

Litera

Правильная ссылка на статью:

Немиров В.Ю. Лингвокультурный образ Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей континента (на материале поэтических произведений XX–XXI вв.) // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.71392 EDN: JCWOSA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71392

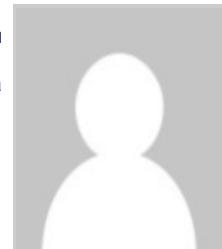
Лингвокультурный образ Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей континента (на материале поэтических произведений XX–XXI вв.)

Немиров Вячеслав Юрьевич

аспирант; институт русского языка; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ slavikparsko@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.7.71392

EDN:

JCWOSA

Дата направления статьи в редакцию:

03-08-2024

Аннотация: В настоящем исследовании мы преследуем цель обнаружить лингвокультурные единицы, концепты и сюжеты, конструирующие образ Австралии как сложносоставной концепт в языковом сознании русскоязычных поэтов государства. К основным задачам исследования мы отнесли анализ произведений австралийских поэтов (Геннадия Казакевича, Натальи Крофта, Елены Чинаховой и др.) на русском языке на предмет поиска лингвокультурно и аксиологически маркированных единиц (более простых концептов, нежели лингвокультурный образ), выявление связей между ними, а также описание механизма существования такой единицы, как лингвокультурный образ. Также особенное внимание уделяется тому факту, что лингвокультура русскоязычных жителей Австралии является частью русской лингвокультуры, но при этом имеет свои особенности, вызванные как природой формирования сообщества, так и его относительной изолированностью. Методами исследования стали семантический и дискурсивный анализ. Изучение значения языковых единиц, их культурных коннотаций и ассоциативных рядов, в которые они входят, а также особенностей аудитории, ситуации

порождения высказывания и прочих экстралингвистических параметров позволяют судить о том, как в лингвокультуре русскоязычных австралийцев выстраивается образ Австралии. Научная новизна исследования заключается в том, что оно является первым полноценным исследованием лингвокультурного образа Австралии. В настоящий момент большинство исследований схожей тематики сконцентрированы на лингвокультурных образах государств-соседей России, в то время как мы стремимся задать нюансированный и более разнообразный вектор внимания в деле изучения лингвокультурных образов. Также большинство исследователей, изучая лингвокультурные образы, не обращают внимания на особенности малых языковых сообществ, входящих в более крупные образования. В результате исследования были выявлены ключевые концепты-составляющие сложного концептуального образования, которым является лингвокультурный образ Австралии. Рассматриваются простые концепты «одиночество», «погода», «ветер», «снег», «nostальгия», в результате чего делается вывод об образе Австралии как уединенного, оторванного от остального мира места, где привычные правила действуют с точностью наоборот, экстремально отличающегося от России, но неизбежно о ней напоминающего.

Ключевые слова:

лингвокультурный образ, сложный концепт, Австралия, русский язык, языковая картина мира, энантиосемия, поэтический текст, лингвокультурология, лингвоперсонология, аксиологическая лингвистика

Введение

Лингвокультурологические исследования, изыскания в области языкового сознания зачастую имеют дело с определенного рода обобщениями. Объектом изучения становятся те или иные концепты, лингвокультурные сюжеты, образы, имманентные как бы языковому сознанию всех носителей того или иного языка — или как минимум его усредненному представителю. С другой стороны, в последнее время важным научным направлением стала лингвоперсонология — дисциплина по изучению индивидуальных речевых и языковых портретов носителей языка. При этом, на наш взгляд, необходимо обратить пристальное исследовательское внимание на те ситуации, когда то или иное лингвокультурное явление становится феноменом, принадлежащим лишь небольшой части языкового сообщества, но не одному его представителю. Такой подход позволит взглянуть на — в некотором роде — экзотические явления, которые, однако, позволяют обнаружить закономерности генезиса лингвокультурных явлений.

Австралия — одно из самых больших и экономически развитых государств мира, расположенное на одноименном материке. В этой стране существует и развивается русская диаспора. Ее члены владеют русским языком как родным и, разумеется, их можно отнести к носителям русской лингвокультуры. Нам было важно проанализировать, как в языковом сознании русскоязычных жителей австралийского континента выстраивается образ их страны проживания. На наш взгляд, подобная постановка вопроса позволит, во-первых, нюансированно взглянуть на механизмы существования лингвокультурных концептов в языковых сообществах меньшего размера по отношению к основному (в данном случае — русскому) языковому сообщству. Материалом нашего исследования стали поэтические произведения, поскольку в них наиболее явно выражаются аксиологические параметры значимых для авторов концептов.

Актуальность исследования заключается в том, что в его результате были выделены основные, устойчивые лингвокультурные образы, анализ которых позволил глубже понять особенности восприятия Австралии русскоязычными жителями континента. В настоящий момент практически не существует исследований, посвященных изучению образа Австралии в русской лингвокультуре, и данная работа может стать началом соответствующих изысканий. Также работа в некотором роде направлена на обращение к жизни русскоязычного населения Австралии — в настоящий момент необходимо пристально исследовать особенности существования русского языка за рубежом для его поддержки.

Основными задачами исследования было:

- Выделить из поэтических произведений русскоязычных авторов Австралии лингвокультурные единицы, формирующие лингвокультурный образ страны и континента.
- Провести лингвокультурный анализ этих единиц для выявления значимых компонентов (более простых концептов) лингвокультурного образа Австралии как сложного концепта.
- Определить, какие из этих составляющих являются ядерными, а какие периферийными, какие между ними устанавливаются связи и каким образом в пространстве художественного (поэтического) текста узуальное взаимодействует с индивидуально-авторским.

При этом **методами** исследования стали семантический и дискурсивный анализ. Изучение значения языковых единиц, их культурных коннотаций и ассоциативных рядов, в которые они входят, а также особенностей аудитории, ситуации порождения высказывания и прочих экстралингвистических параметров позволяют, на наш взгляд, судить о том, как в лингвокультуре русскоязычных австралийцев выстраивается образ Австралии.

Обзор литературы

Как мы уже упоминали выше, существующие подходы к изучению тех или иных лингвокультурных явлений лежат на двух полюсах, которые можно условно обозначить как полюс обобщающий, лингвокультурологический, и конкретизирующий — лингвоперсонологический. Так, В.И. Карасик говорит о языковой картине мира как об «одной из основных категорий» дисциплины [11, с. 74], определяя ее как «целостную совокупность образов действительности в коллективном сознании» [там же]. В этом вопросе автор следует за В.И. Постоваловой, Б.А. Серебренниковым и др. [30]. При этом коллективное сознание определяется, например, В.В. Колесовым как «способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка, способность истолковывать явления как их сущности и соответственно этому действовать в определенной обстановке» [15, с. 13]. В свою очередь, В.В. Воробьев, впервых, определяет в качестве магистральной задачи лингвокультурологии исследование национальной языковой личности, и, во-вторых, определяет ее, следуя за Л.П. Карсавиным в качестве «единства множества или многоединства» [6, с. 87], что позволяет говорить об уже упомянутом усредненном носителе той или иной культуры.

При этом на другом полюсе обобщения антропоцентрического языкоznания находится лингвоперсонология, чей объект был определен В.П. Нерознаком как «частночеловеческая языковая личность», в то время как объектом лингвокультурологии

ученый обозначает «многочеловеческую» [25, с. 70-71] языковую личность. Также значительный вклад в исследования по лингвоперсонологии внесли Ю.Н. Каулов, Н.Д. Голев, Г.И. Богин. Все ученые сходятся на том, что компетенции каждой языковой личности неповторимы, а потому возможно говорить о несовпадении ассоциаций, коннотаций и прочих явлений, носящих сугубо индивидуальный характер. Разумеется, исследователи не отвергают идею поиска ментальных и когнитивных универсалий, реализованных в языке, — лишь «смещают» подобный поиск в русло другой науки. В настоящем исследовании мы будем стараться придерживаться интегративного подхода: лингвокультурный образ в сознании каждого носителя языка уникален, однако при сопоставлении, игнорируя наиболее полярные явления, можно составить представление об образе Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей государства.

Е.П. Савченко определяет лингвокультурный образ как разновидность лингвокультурного концепта, который «обладает национально-культурной спецификой, но в то же время содержит отличительные черты и признаки узнаваемого представителя конкретного этнокультурного сообщества» [29, с. 6]. В свою очередь, А.Д. Макарова определяет лингвокультурный образ следующим образом: «ментальное стереотипизированное восприятие и отражение явлений и фактов, имеющих место в мире» [21, с. 244]. Таким образом, стоит учитывать концептуальную природу лингвокультурного образа. В современной науке существует несколько магистральных направлений для определения концепта. Условно их можно разделить на собственно лингвокультурологическое, психолингвистическое и когнитологическое. К первому принадлежат идеи Ю.С. Степанова [32], В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина [12] — эти ученые рассматривают концепт как культурную и аксиологическую единицу, исследуют цепочки ассоциаций и историю явления. А.П. Бабушкин [2] и Н.Ф. Алиференко [1] скорее стремятся выделить субъективно-значимые стороны концепта, формирующие устойчивые образные ряды. Наконец, представители когнитологического подхода, например, И.А. Стернин и З.Д. Попова, рассматривают концепт скорее как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой» [27, с. 4-5]. При этом все отчетливее наблюдается тенденция к интегративному пониманию природы концепта — необходимо учитывать, что этот феномен многомерен и анализировать его следует, имея в виду всю совокупность значимых для носителя языка переживаний и явлений.

Исследования лингвокультурного образа той или иной страны могут быть посвящены синхроническому состоянию проблемы (труды И.В. Борисенко [5], А. Мона [23]) и диахроническому (работы Ч. Гальперина [7], О.А. Дмитриевой [8]), а также носитель сравнительный характер, как, например, работа И.М. Кыштымовой и Э. Сеюба «Образ России и русских: особенности восприятия молодежью России и Замбии» [20] или уже упомянутая работа О.А. Дмитриевой. Также обратим внимание на проблему, упомянутую нами во введении. В настоящее время лингвокультурологические исследования образов государств стремятся обнаружить конституирование данных образах именно в русской (или иной) лингвокультуре вообще, мы же стараемся изучить образ Австралии в лингвокультуре лишь русскоязычных жителей континента.

Результаты исследования

Наиболее значимым объектом лингвокультурологических исследований является текст, поскольку в нем представлено в единстве узульное и индивидуально-авторское, при этом важно учитывать, что текст выступает, по выражению А. Мона, единицей, «которая

отличается коммуникативной целостностью, связностью и законченностью <...> находится в определенных отношениях с другими текстами, встроен в особую парадигму, репрезентирующую картину мира как личности, так и народа» [\[23, с. 34\]](#). При этом в поэтическом тексте центральное место отводится именно эмотивному уровню восприятия, апеллирующему к когнитивной базе аудитории. Н. С. Болотнова говорит о том, что на эмотивном уровне следует выделить два подуровня: стилистический и образный [\[3, с. 28-29\]](#).

В настоящее время в Австралии работает довольно много русскоязычных поэтов. Большинство из них не являются австралийцами по рождению — они принадлежат т.н. «четвертой волне эмиграции», периоду с 1991 года и до начала 2000-х, когда многие соотечественники покинули Россию, переселившись в такие государства, как Израиль, Соединенные Штаты Америки, Австралия. На наш взгляд, этот фактор необходимо учитывать, поскольку, как будет понятно из дальнейшего исследования, ностальгические переживания играют важную роль в генезисе лингвокультурного образа государства и континента. Исследователь и организатор австралийской русскоязычной поэзии Наталья Крофтс пишет об этом следующее:

«Австралийских авторов, пишущих по-русски, достаточно много <...> а интернет открыл возможность самостоятельной публикации для тех, кто ранее "писал в стол" или опубликовал книги "самиздатом" в местных типографиях» [\[18\]](#).

Также в стране на протяжении нескольких лет проходил поэтический фестиваль «Антиподы», публиковались сборники, в российских периодических изданиях выходили подборки австралийских поэтов (журналы «Дети Ра» (2007) и «День литературы» (2008), газета «Интеллигент» (2011)).

Важно заметить, что при поиске единиц, конструирующих образ Австралии, мы старались ориентироваться не столько на поиск эксплицитных маркеров реалий (например, фитонимов или топонимов), хотя и подобные примеры встречаются:

Отряхнула прошедший день
Еду через **Карлотту** — чудо!
В **джикаранды** вливается синь неба
Розовые деревья стерегут радостные дома (Нора Крук [\[19\]](#))

Составление ментальных карт из различных -нимов — дело интересное и значимое, однако мы считаем, что его стоит оставить для дальнейших изысканий. В настоящий момент нас куда больше занимают единицы, не столь явно маркирующие австралийские реалии: описания пейзажа, погоды, внутренних переживаний автора. Подобный подход способен ярче отразить образ страны, нежели поиск имен. Так, при анализе поэтических текстов русскоязычных авторов Австралии мы обратили внимание на то, что в них часто возникает лексика, принадлежащая тематическому полю «погода». Обратимся к некоторым примерам. Так, например, важное место в стихотворениях австралийских поэтов занимает лексема «ветер»:

оceanский **ветер** — напоминает бритву,
он срезает листву как парикмахер — кудри... (Елена Чинахова [\[33\]](#))

Моя страна — как континент усталый,
изъеденный бессмысленностью **ветра**... (Геннадий Казакевич [\[10\]](#))

Заметим, что в приведенных поэтических текстах у слова *ветер* присутствует негативная коннотация. Так, в первом из примеров океанский *ветер* ассоциируется с *бритвой*. По данным Русского регионального ассоциативного словаря (Сибирь и Дальний Восток), одним из слов-стимулов, для которого бритва становится ассоциацией является лексема *опасный* [28, с. 282]. Также по данным Национального корпуса русского языка, коллокациами для данной лексемы выступают *полоснуть, окровавить, горло, нож, кинжал* [24]. Подобный ряд коллокаций, присутствуя в языковом сознании носителя языка, несомненно позволяет говорить о негативной окрашенности лексемы *ветер* в данном контексте. Во втором примере образные параметры концепта задаются во взаимодействии лексем *бессмысленностью* и *ветра*. С семантической точки зрения автор признает имманентность бессмысленности австралийскому ветру, что подчеркивает негативность коннотативного значения. В.И. Карасик, анализируя концепт «ветер» в русской и английской лингвокультурах отмечает, что в афористике ветер становится либо метафорой неподконтрольной человеку, разрушительной силы, либо необходимости принимать мудрые решения. При этом ученый особенно отмечает, что последний смысл скорее принадлежит английской культуре [13, с. 228]. На основе приведенных примеров можно судить о том, что в языковом сознании русскоязычных австралийцев скорее доминирует русская модель восприятия концепта. Это говорит об относительной автономии русскоязычных жителей государства.

Как уже было отмечено ранее, лексика тематического поля «погода» занимает важное место в произведениях русскоязычных поэтов Австралии. Исследователь Л.И. Петрова отмечает важную черту лексемы «погода» — ее энантиосемичность, обращая внимание на два зафиксированных в словаре значения: «Погода — разг. хорошее, без осадков состояние атмосферы; нар. разг. ненастье, непогода (обычно снег, дождь с сильным ветром)» [26, с. 136]. Подобная амбивалентность, на наш взгляд, показывает значимость и многообразие представлений о погоде в русской лингвокультуре. При этом, в структуре лексического значения символа обязательно присутствует этнокультурный компонент, определяемый Ю.П. Солодубом как отражение «специфически национального восприятия тем или иным народом каких-либо реалий, фрагментов действительности и даже подлинных конструктов народного сознания» [31, с. 50]. Итак, в поэтических текстах австралийских авторов важное место занимают образы погоды — явления по своей природе амбивалентного, что отражено в энантиосемичности знака, и, соответственно, в языковом сознании. Чтобы доказать связь внутренней антонимии лексемы *погода* и осознания подобной парадоксальности, достаточно взглянуть на следующие примеры:

Нет мне на этом континенте места.

Как пережить **январскую жару?**

Кто из богов готов услышать мессу? (Геннадий Казакевич [10])

Пока еще томно и жарко.

Но в суши уставшего лета,

В преддверье **осеннего марта**

И буйства зеленого цвета

Моей эмигрантке березе

В февральском бессилье — угроза,

Что скоро зеленую ризу

Менять жёлтолистным стриптизом. (Геннадий Казакевич [10])

Так, в каждом из текстов можно найти окказиональные и парадоксальные коллокации:

январская жара, осенний март. На первый взгляд они кажутся языковой игрой — оксюмороном. Однако при знакомстве с контекстом, ситуацией, порождающей высказывание, становится очевидно, что автор обращает внимание на особенности климата южного полушария: когда в привычных русскому человеку (шире — европейцу) широтах зима, в таких странах, как Австралия, наступает лето. Очевидно, что подобный факт кажется непривычным, обнажая при этом внутреннее противоречие концепта «погода», которое при этом на лексическом уровне эксплицировано энантиосемичностью лексемы.

Подобные же отношения, пусть и оформленные не при помощи выстраивания парадоксальных лексических коллокаций, отражены в стихотворениях Якова Маргулиса и Эллы Ильиной-Карбовской:

Цветами пахнет. Медленно плывет
Луна чужая в небе непривычном,
И звезды, стерегущие восход,
И веток пальмы шепот необычный...

А где-то там... В приснившейся дали
Звенит метель невидимой струною... (Элла Ильина-Карбовская [\[9\]](#))

Читали что-то, помнится, читали,
Что климат... как это... континентален!
Зонт. Кепочка. Накидкой свитер сзади —
Привычка: впрямь, по три сезона за день.
Но чтоб такое? С неба — белый шок.
И я... ну как это... слепил снежок!
<...>
Все кончилось, наметившись едва,
И завтра — плюс, конечно, — двадцать два. (Яков Маргулис [\[12\]](#))

Анализировать настоящие произведения считаем целесообразным с позиции рассмотрения эксплицированных в них лингвокультурных сюжетов, которые определяются В.И. Карасиком как «нarrативные авторские изложения событий в виде последовательности сюжетных мотивов, раскрывающие идеальное содержание текста и представляющие собой намеренно преобразованные фабулы» [\[14, с. 50\]](#). Фактуально-эксплицитная сторона первого стихотворения такова: *Мы находимся среди пальм и цветущих растений / В то же время в России сейчас зима*. Во втором стихотворении фактуально-эксплицитная сторона сюжета такова: *В Австралии внезапно выпал снег / Я вернулся в детство при виде снега/ Снег быстро растаял / Это большая редкость для Австралии*. Как можно заметить, оба лингвокультурных сюжета построены вокруг концепта *снег*. В свою очередь, если обратиться к паремиологическому фонду русского языка, можно обнаружить, что снег зачастую становится метафорой чего-то эфемерного или бессмысленного: *растаял, как снег; как ни мойся, белее снега не будешь; к зяблому лицу, да снег подсыпашь*. Таким образом, лингвокультурные сюжеты построены на экспликации призрачности, эфемерности воспоминаний о родине, и австралийская погода лишь изредка напоминает российскую — во времена погодных аномалий. Высокая аксиологическая значимость в актуализации концепта «снег» позволяет говорить об ассоциативной связи с концептом «nostальгия».

Еще одна важная составляющая лингвокультурного образа Австралии — манифестация удаленности и, соответственно, независимости материка. Данный факт получает по-

разному окрашенную, но неизменно аксиологически полнозначную, нагрузку. Обратимся к некоторым примерам:

ветер меняет свое направление.
ветшают в парадных лестницах:
их одиночество неприкрыто, остро
скалится во тьме арматурой;
не настолько был сиротлив на **острове**
герой нашего детства **Крузо**,
как эти безмолвные вены времени,
присыпанные штукатуркой... (Елена Чинахова [\[33\]](#))

Здесь жителям присуща непокорность
большому миру из-за океана.
Здесь в споре между «здравствуй» и «прощай»
нет победителя, но взгляд **островитян**
привычно отражает свет печали. (Геннадий Казакевич [\[10\]](#))

Живем в плену. **Пустыня и вода**.
Звоним глухим, усталым абонентам...

И страшно мне остаться навсегда
в **смирильной рубашке континента**. (Наталья Крофтс [\[17\]](#))

В первом примере автор номинирует Австралию, являющуюся континентом, при помощи лексемы *остров*. Также Елена Чинахова обращается к прецедентному имени *Робинзон Крузо* (герой романа Д. Дефо о человеке, который провел длительное время в одиночестве на отдаленном острове). Во втором примере так же жители Австралии номинированы лексемой *островитяне* (жители острова). Подобными средствами авторы актуализируют концепт «одиночество». Важно также обратить внимание на третий пример, в котором особенности австралийского климата довольно лапидарно описываются автором при помощи лексем *пустыня* и *вода*. Пустыня — это местность, отличающаяся засушливым климатом, где испаряемость гораздо выше количества выпадающих осадков. То есть можно говорить о том, что лексемы *пустыня* и *вода* зачастую становятся неполными, контекстуальными антонимами. В пространстве же поэтического текста Н. Крофтс образы воды и пустыни наоборот сближаются — как видно, в целом австралийские поэты постоянно делают акцент на «совмещении несовместимого». Таким образом, в большинстве поэтических текстов австралийских поэтов концептуализируется реверсивность жизненного уклада в Австралии.

В первом и третьем примерах также актуализируется одна из двух, вступающих в диалектическое противоречие, частей концепта «одиночество». В названных примерах одиночество воспринимается в строго негативном ключе, в Большом толковом словаре русского языка подобная часть концепта отражается следующим образом при описании прилагательного *одинокий*: «Не имеющий семьи, родственников, близких. Одинокий человек, без жены, без детей» [\[4, с. 392\]](#). Во втором же примере концептуализируется восприятие одиночества как отдельности, определяемой как «экзистенциальное состояние, возникающее вследствие осознания человеком своей отдельности, уникальности, неповторимости» [\[16, с. 535\]](#). Т.Н. Кочеткова в целом рассуждает о противоречивой сущности концепта «одиночество», отмечая, что в его структуре может наблюдаться диаметральная противоположность ценностного содержания: одиночество

является благом, поскольку становится осознаваемой единственностью индивида, и при этом одиночество может восприниматься как несчастье, оставленность. Получается, нам приходится вновь говорить о парадоксальности образа Австралии — это государство-континент находится в дали от других стран, и потому его жителям «присуща непокорность», за которой, однако пропадает страх навсегда остаться в «смирильной рубашке континента».

Выводы

В ходе настоящего исследования нами было достигнуто следующее:

- Отобраны и проанализированы стихотворения русскоязычных поэтов Австралии на предмет поиска в них единиц, обладающих лингвокультурной нагрузкой, а также составляющих сложный концепт — образ Австралии.
- Сделан вывод о том, что значимое место в структуре образа Австралии занимают концепты, ассоциирующиеся с тематическим полем «погода». Концепты «ветер» и «снег» позволяют говорить об ощущении носителями русской лингвокультуры, живущими в Австралии, государства и континента как места, экстремально не похожего на Россию. Также концепт «снег» связывается с концептуализацией ностальгии, можно сказать — становится ее синтагмой.
- Еще один важный исследовательский вывод можно сформулировать так: Австралия концептуализируется русскоязычными поэтами континента как «страна наоборот». Это достигается посредством входления в структуру данного сложного концепта таких более простых концептов, как «погода» и «одиночество». Оба ментальных образования парадоксальны: с погодой это выражается даже на лексическом уровне в виде энантиосемичности лексемы, с одиночеством — на уровне философско-аксиологическом.

Заключение

Подводя итог, мы выделили в составе сложного концепта, которым является лингвокультурный образ Австралии, следующие концепты-компоненты: «погода», «ветер», «снег», «ностальгия» «одиночество». В сущности, все данные концепты реализуются узульно, что лишь еще раз подтверждает тезис о том, что носители русского языка, пускай и живут на территории Австралии, все равно принадлежат русской лингвокультуре. При этом важно заметить, что приведенные выше концепты, вступая в сложные поливалентные отношения, приводят к созданию особого поэтического образа Австралии как далекого, обособленного, одинокого, самостоятельного континента, где все привычные явления (например, погода) реверсированы. Подобные коннотации вполне объяснимы, поскольку все поэты, чьи произведения мы подвергли анализу, — эмигранты.

В настоящем исследовании мы проанализировали лишь небольшую часть поэтических произведений австралийских русскоязычных поэтов, однако, на наш взгляд, сделали первый шаг по направлению к полноценному описанию лингвокультурного образа Австралии. В дальнейшем методы настоящего исследования могут быть экстраполированы на поэтические, прозаические и публицистические произведения австралийских и отечественных авторов, принадлежащих русской лингвокультуре.

Библиография

1. Алефиренко Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры // Мир русского слова. СПб., 2002. №2. С. 60–74.

2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 103 с.
3. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: Издательство Томского университета, 1992. 309 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. М.: Норинт, 2001. 700 с.
5. Борисенко И.В. Национальный образ России: философско-культурологический анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Ростов-на-Дону, 2008. 136 с.
6. Воробьев В.В Лингвокультурология: учебное пособие. М.: РУДН, 2006. 331 с.
7. Гальперин Ч. Татарское иго. Образ монголов в средневековой России. Воронеж: Новый Взгляд, 2012. 230 с.
8. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX в. Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2007. 307 с.
9. Ильина-Карбовская Э. Стихотворения [Электронный ресурс] URL: <https://www.unification.com.au/en/articles/1154/> (дата обращения: 02.08.2024).
10. Казакевич Г. Стихотворения [Электронный ресурс] URL: <https://stihhi.ru/avtor/g1591> (дата обращения: 02.08.2024).
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.
12. Карасик В. И., Слыскин Г. Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.
13. Карасик В.И. Ветер как лингвокультурный символ в русском и английском языковом сознании // Русистика и компаративистика. – 2021. – Вып. XV. – С. 219–235. doi: 10.25688/2619-0656.2021.15.13
14. Карасик В.И. Лингвокультурные сюжеты как объект аксиологической лингвистики // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник материалов II Международной научной конференции 27–28 октября 2022 г. М.: Государственный институт русского языка, 2023. 237 с. С. 49–59.
15. Колесов В. В Русская ментальность в языке и тексте. СПб: Востоковедение, 2006. 624 с.
16. Кочеткова Т.Н. Противоречивая сущность концепта «одиночество» // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – №9 (53) – С. 533–542. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-9-41
17. Крофтс Н. Стихотворения [Электронный ресурс] URL: https://45parallel.net/natalya_krofts/stihi/index.html (дата обращения: 02.08.2024).
18. Крофтс Н. Муза дальних странствий: о русской поэзии в Австралии [Электронный ресурс]. URL: <https://interpoezia.org/content/muza-dalnix-stranstvij/> (дата обращения: 02.08.2024).
19. Крук Н. Стихотворения [Электронный ресурс] URL: https://45parallel.net/nora_kruk/stihi/index.html (дата обращения: 02.08.2024).
20. Кыштымова И.М., Сеюба Э. Образ России и русских: особенности восприятия молодежью России и Замбии // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13, №3. С. 22-28. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(3).28
21. Макарова А.Д. Лингвокультурный образ: сущность понятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №33 (248) Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 243-245.
22. Маргулис Я. Стихотворения. URL: <https://www.unification.com.au/en/articles/1081/> (дата обращения: 02.08.2024).

23. Мона А. Лингвокультурный образ Ирана в русских художественных и публицистических текстах: дис. ... канд. филол. наук: 05.09.05. М., 2024. 175 с.
24. Национальный корпус русского языка. Коллокации со словом «бритва». [Электронный ресурс]. URL:[https://ruscorpora.ru/results?search=Co4BGIkKVxIjCgkKA2xleBICCgAKFgoEZm9ybRIOCgzQsdGA0LjRgtCy0LASMAoKCgNsZXgSAwoBKgoLCgVncmFtbRICCgAKFQoEZGlzdCINCP3%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2FwEQAyoqCggIABAKGDIgChAFIAo%2Fabw2vX%2F0AMyBGRpY2VABWoEMC45NXgAoAEBMgIIAToBBw%3D%3D](https://ruscorpora.ru/results?search=Co4BGIkKVxIjCgkKA2xleBICCgAKFgoEZm9ybRIOCgzQsdGA0LjRgtCy0LASMAoKCgNsZXgSAwoBKgoLCgVncmFtbRICCgAKFQoEZGlzdCINCP3%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2F%2FwEQAyoqCggIABAKGDIgChAFIAo%2Fabw2vX%2F0AMyBGRpY2VABWoEMC45NXgAoAEBMgIIAToBBw%3D%3D) (дата обращения: 02.08.2024).
25. Нерознак В.П. Языковая личность в гендерном измерении // Гендер: язык, культура, коммуникация: Тез. I междунар. конференции. М., 1999. 125 с. С. 70-71.
26. Петрова, Л.И. «Погода» сквозь призму лингвокультурологии // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2015. № 1. – С. 135-144.
27. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. 30 с.
28. Русский региональный ассоциативный словарь: Сибирь и Дальний Восток: В 2 т. / Т. 1. От стимула к реакции. // И.В. Шапошникова, А.А. Романенко; Ин-т филологии СО РАН; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. 920 с.
29. Савченко Е.П. Стилистические средства создания лингвокультурного образа идеального героя в тексте оригинала и в переводе (на материале произведений Я. Флеминга): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М.: 2013. 188 с.
30. Серебренников Б. А., Кубрякова Е. С., Постовалова В. И., Телия В. Н., Уфимцева А. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Под ред. Серебренникова Б.А. М.: Наука, 1988. 216 с.
31. Солодуб Ю.П. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). М.: Флинта:Наука, 2002. 264 с.
32. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
33. Чинахова Е. Стихотворения [Электронный ресурс] URL: <https://rv.russian-albion.com/ru/elena-chihanov> (дата обращения: 02.08.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Конструктив рецензируемой статьи вполне понятен, автор обращает внимание на общие составляющие языкового сознания австралийского континента, причем ориентир базово сосредоточен на поэтические тексты XX-XXI века. Собственно, именно это и играет ведущую роль в формировании и написании статьи как таковой. Отмечу в связи с этим синкетический тон работы, на мой взгляд, это и популярно, и продуктивно. Да и сам автор отмечает в начале, что «лингвокультурологические исследования, изыскания в области языкового сознания зачастую имеют дело с определенного рода обобщениями. Объектом изучения становятся те или иные концепты, лингвокультурные сюжеты, образы, имманентные как бы языковому сознанию всех носителей того или иного языка — или как минимум его усредненному представителю. С другой стороны, в последнее время важным научным направлением стала лингвоперсонология — дисциплина по изучению индивидуальных речевых и языковых портретов носителей языка». Данная работа имеет открыто дискуссионный характер, большая часть «манифестов» доступна для обсуждения, следовательно, диалог мнений получается выстроить в режиме

буквальной полемики, а это так необходимо для научного изыскания. Большая часть стандартных позиций прописана: в частности отмечено, что «актуальность исследования заключается в том, что в его результате были выделены основные, устойчивые лингвокультурные образы, анализ которых позволил глубже понять особенности восприятия Австралии русскоязычными жителями континента. В настоящий момент практически не существует исследований, посвященных изучению образа Австралии в русской лингвокультуре, и данная работа может стать началом соответствующих изысканий. Также работа в некотором роде направлена на обращение к жизни русскоязычного населения Австралии — в настоящий момент необходимо пристально исследовать особенности существования русского языка за рубежом для его поддержки». Считаю, что это необходимо, значимо, конструктивно. Методологический блокправлен, актуальность принципов не противоречит современным: «при этом методами исследования стали семантический и дискурсивный анализ. Изучение значения языковых единиц, их культурных коннотаций и ассоциативных рядов, в которые они входят, а также особенностей аудитории, ситуации порождения высказывания и прочих экстралингвистических параметров позволяют, на наш взгляд, судить о том, как в лингвокультуре русскоязычных австралийцев выстраивается образ Австралии». Должный анализ имеющихся данных сделан полновесно и правильно, открытость позиции налицо: «Е.П. Савченко определяет лингвокультурный образ как разновидность лингвокультурного концепта, который «обладает национально-культурной спецификой, но в то же время содержит отличительные черты и признаки узнаваемого представителя конкретного этнокультурного сообщества» [29, С. 6]. В свою очередь, А.Д. Макарова определяет лингвокультурный образ следующим образом: «ментальное стереотипизированное восприятие и отражение явлений и фактов, имеющих место в мире» [21, с. 244]. Таким образом, стоит учитывать концептуальную природу лингвокультурного образа. В современной науке существует несколько магистральных направлений для определения концепта. Условно их можно разделить на собственно лингвокультурологическое, психолингвистическое и когнитологическое. К первому принадлежат идеи Ю.С. Степанова [32], В.И. Карасика, Г.Г. Слышикина [12]— эти ученые рассматривают концепт как культурную и аксиологическую единицу, исследуют цепочки ассоциаций, и историю явления. А.П. Бабушкин [2] и Н.Ф. Алиференко [1] скорее стремятся выделить субъективно-значимые стороны концепта, формирующие устойчивые образные ряды. Наконец, представители когнитологического подхода, например, И.А. Стернин и З.Д. Попова рассматривают концепт скорее как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой» [27, с. 4-5.]». Следовательно, систематизация наработанного опыта делается не только в режиме нарочитого контакта, но и в режиме вариативной оценки. При этом аналитический ценз является для автора авторитетным и выверенным. Хочу обратить внимание на то, что даже при формальной правильности формулировок текст нужно вычитать, поправить, скорректировать. Фактический / аналитический уровень работы выровнен, автор стремится к тому, чтобы создать правильность оценки: например, «Заметим, что в приведенных поэтических текстах у слова ветер присутствует негативная коннотация. Так, в первом из примеров океанский ветер ассоциируется с бритвой. По данным Русского регионального ассоциативного словаря (Сибирь и Дальний Восток) одним из слов-стимулов, для которого бритва становится ассоциацией является лексема опасный [28, с. 282]. Также по данным Национального корпуса русского языка, коллокациями для данной лексемы выступают полоснуть, окровавить, горло, нож, кинжал [24]. Подобный ряд коллокаций, присутствуя в языковом сознании носителя языка, несомненно позволяет говорить о негативной окрашенности лексемы «ветер» в данном

контексте. Во втором примере образные параметры концепта задаются во взаимодействии лексем бессмысленностью и ветра. С семантической точки зрения автор признает имманентность бессмысленности австралийскому ветру, что подчеркивает негативность коннотативного значения» и т.д. Должный вариант примеров также наличен: «Чтобы доказать связь внутренней антоними лексемы «погода» и осознания подобной парадоксальности достаточно взглянуть на следующие примеры: Нет мне на этом континенте места. Как пережить январскую жару? Кто из богов готов услышать мессу? (Геннадий Казакевич [10]). Пока еще томно и жарко. Но в суши уставшего лета, В преддверье осеннего марта И буйства зеленого цвета. Моей эмигрантке березе В февральском бессилье – угроза, Что скоро зеленую ризу Менять жёлтолистным стриптизом. (Геннадий Казакевич [10])» и т.д. При этом правка явно не помешает: «внутренней антоними лексемы». Связность с «уже сказанным имеет место быть», однако, это не противоречит работе в целом, оценкадается в режиме буквального анализа: «Т.Н. Кочеткова в целом рассуждает о противоречивой сущности данного концепта, говоря о том, что в его структуре может наблюдаться диаметральная противоположность ценностного содержания: одиночество является благом, поскольку становится осознаваемой единственностью индивида, и при этом одиночество может восприниматься и как несчастье, оставленность. Получается, нам приходится вновь говорить о парадоксальности образа Австралии — это государство-континент находится в дали от других стран и потому его жителям «присуща непокорность», за которой, однако прступает страх навсегда остаться в «смирильной рубашке континента». Выводы по тексту созвучны основной части, серьезных противоречий не выявлено, считаю, что итог вполне правомерен: «подводя итог, мы выделили в составе сложно концепта, которым является лингвокультурный образ Австралии, следующие концепты-компоненты: «погода», «ветер», «снег», «nostalgia» «одиночество». В сущности, все данные концепты реализуются узуально, что лишь еще раз подтверждает тезис о том, что носители русского языка пускай и живут на территории Австралии, все равно принадлежат русской лингвокультуре. При этом важно заметить, что приведенные выше концепты, вступая в сложные поливалентные отношения приводят к созданию особого поэтического образа Австралии как далекого, обособленного, одинокого, самостоятельного континента, где все привычные явления (например, погода) реверсированы. Подобные коннотации вполне объяснимы, поскольку все поэты, чьи произведения мы подвергли анализу — эмигранты». Таким образом, работа нуждается в вычитке, небольшой стилистической правке. В целом же рецензируемая статья «Лингвокультурный образ Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей континента (на материале поэтических произведений XX–XXI вв.)» может быть рекомендована к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является лингвокультурный образ Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей континента (на материале поэтических произведений XX–XXI вв.).

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод семантического анализа, метод дискурсивного анализа, метод обобщения.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку Австралия является уникальным

государством с учетом его расположения, климатических условий, размера территории, населения и высокого уровня социально-экономического развития. В Австралии проживает достаточно крупная русская диаспора, поэтому анализ устойчивых лингвокультурных образов дает возможность более глубоко понять специфику и отличительные черты восприятия этого уникального государства русскоязычным населением этого материка.

Научная новизна исследования заключается в авторском анализе поэтических произведений XX–XXI вв. с целью выявления лингвокультурного образа Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей континента.

Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и цитированием поэтических произведений, характеризующих предмет исследования.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает в себя введение, актуальность и задачи исследования, методы, обзор литературы, результаты исследования, обсуждение, выводы и заключение, библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет то, что в исследовании, проведенном по авторской методике, была выявлена интересная тенденция, что «nostalgические переживания играют важную роль в генезисе лингвокультурного образа государства и континента».

Библиография содержит 33 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания, а также электронные ресурсы.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих понимание категории «лингвокультурный образ». В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «Австралия концептуализируется русскоязычными поэтами континента как «страна наоборот». Это достигается посредством вхождения в структуру данного сложного концепта таких более простых концептов, как «погода» и «одиночество». Оба ментальных образования парадоксальны: с погодой это выражается даже на лексическом уровне в виде энантиосемиичности лексемы, с одиночеством — на уровне философско-аксиологическом».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, лингвистами, литературоведами, филологами, культурологами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что тексте статьи часто встречаются явные опечатки и технические ошибки при написании слов (например, «посколько», «уровеню», «государство-континет» и др.). Также необходимо обратить внимание на требования действующих ГОСТа при оформлении библиографии, особенно применительно к источникам, которые являются электронными ресурсами, где отсутствует дата обращения. Выводы и заключение целесообразно было бы выделить как отдельные самостоятельные элементы научной статьи. Указанные недостатки не снижают научную значимость самого исследования, однако, их необходимо оперативно устраниТЬ, а рукопись рекомендуется вернуть на доработку.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение для публикации в журнале «Litera» статья «Лингвокультурный образ Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей континента (на материале поэтических произведений XX–XXI вв.)» посвящена изучению основных, устойчивых лингвокультурных образов, анализ которых позволяет выявить особенности восприятия Австралии русскоязычными жителями континента.

Статья четко структурирована. В начале проводится введение в тему, указываются актуальность, задачи, методы исследования, затем дается обзор существующей литературы, при этом сделана выборка трудов авторитетных лингвистов, чьи мнения наиболее актуальны в современном языкоznании. В разделе «Результаты исследования» автор смог показать свое видение изучаемой проблемы, прибегнув к методам лингвокультурологии.

Материалом исследования стали стихотворения русскоязычных поэтов Австралии, в которых автор стремится обнаружить концепты, составляющие образ Австралии. К ним исследователь отнес концепты «погода», «ветер», «снег», «nostalgia» «одиночество», которые «не столь явно маркируют австралийские реалии», но помогают «ярче отразить образ страны». Выделяя данные концепты, автор статьи приходит к выводу о том, что «в языковом сознании русскоязычных австралийцев скорее доминирует русская модель восприятия концепта», что говорит об относительной сохранности исконных, свойственных родине поэтов-эмигрантов представлений о природных явлениях в противовес представлениям об австралийском континенте – месте, «экстремально не похожем на Россию». Выводы делаются на основе анализа простых концептов «погода» и «одиночество», составляющих более сложный концепт. В конечном итоге, по наблюдениям автора статьи, данные концепты «приводят к созданию особого поэтического образа Австралии как далекого, обособленного, одинокого, самостоятельного континента, где все привычные явления (например, погода) реверсированы».

Таким образом, статья является первым приближением к изучению особенностей восприятия русскоязычной диаспорой обособленного континента, коим является Австралия. Основные задачи исследования достигнуты. Перспективы изучения данной проблематики автор видит в дальнейшем исследовании прозаических и публицистических произведений.

В тексте статьи замечены опечатки: несколько ошибок в отрывке «также носитель сравнительный характер, как, например, работа И.М. Кыштымовой и Э. Сеюба «Образ России и русских: особенности восприятии молодежью России и Замбии»; требуется откорректировать предложение «В настоящее время лингвокультурологические исследования образов государств стремятся обнаружить конституирование данных образах именно в русской (или иной) лингвокультуре вообще». Замечены ошибки пунктуационного плана, особенно при причастных и деепричастных оборотах.

Считаем, что статья «Лингвокультурный образ Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей континента (на материале поэтических произведений XX–XXI вв.)» написана на актуальную тему, содержит интересные наблюдения, которые могут привлечь внимание читателей, поэтому может быть рекомендована в печать.